

Н. СЕМЕНОВА

Цитация в романе В. Набокова «Король, дама, валет»

В 1928 году в Берлине вышел второй роман В. Набокова «Король, дама, валет». Роман успеха не имел и в творчестве Набокова стоит особняком. Пишущие о «Короле, даме, валете» отмечали, что это единственный роман Набокова, где нет автобиографизма, нет России. Озадачивала явная литературность романа, притом что конкретный литературный образец оставался неназванным. Михаил Цетлин отметил здесь влияние немецких экспрессионистов, а из русских — близкого к ним Леонида Андреева¹. Георгий Иванов нашел, что второй роман Набокова сделан по образцу «самых передовых немцев», Сириным «старательно скопирован средний немецкий образец»².

И сегодня, как некогда, исследователи ломают голову над вопросом: «Кого же это все-таки напоминает?»³. Нерезультативность поисков открывает еще один путь: бросив вызов устоявшимся мнениям, пойти от противного, отказаться от поиска литературного оригинала. Наиболее категорично этот подход обозначен в книге Вадима Линецкого: «Текст Набокова не имеет интертекстуальной “ауры”, как и не имеет “ауры” автобиографической...»⁴; Набоков «выходит за рамки диалогического отношения оригинал—копия»⁵. Литературного оригинала нет — и вот уже реконструируется творческий процесс.

¹ Цетлин М. В. Сириин. Возвращение Чорба. Рассказы и стихи // В. В. Набоков: pro et contra. СПб., 1997. С. 218—219.

² Иванов Г. В. Сириин. «Машенька», «Король, дама, валет», «Защита Лукина», «Возвращение Чорба» // Там же. С. 216.

³ Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. М., 1995. С. 230.

⁴ Линецкий В. «Анти-Бахтин» — лучшая книга о Владимире Набокове. СПб., 1994. С. 50.

⁵ Там же. С. 57.

Итак, лето 1927 года, Бинц, курорт на берегу Померанского залива: «Он созревал до новой книги... Потом проступало вдруг — трое на пляже, замышляется убийство, и гибнет убийца. И почти мгновенно, — так это видится Борису Носику, — родился замысел романа. Теперь роман начинал выстраиваться мало-помалу, отметалось лишнее»⁶ («лишнее», действительно, отметалось: дети, психологический кризис, связанный с болезнью и выздоровлением героини, и многое другое, о чем пойдет речь ниже).

Предлагая в качестве ключа к интерпретации романа эпизод с двумя иностранцами, Б. Носик по совпадению портретных черт делает заключение, что это сам Владимир Набоков с женой Верой (биографическая вставка, увы, единственная в романе). Апелляция Б. Носика к «догадливому читателю» подтверждает лишь, что мистификация Набокова, на этот раз особенно тонкая, сбивающая со следа, полностью удалась. Логика критика такова. Все ищут литературный оригинал (средний немецкий роман или что-то вроде этого), но никто ничего не находит. «А ларчик просто открывался», найти ничего и нельзя, это — «чистое изобретательство». Но Б. Носик понимает, что Набоков блефует, когда говорит о «чистом изобретательстве» во всех последующих романах после «Машеньки». Он даже догадывается почему: «...цель всех этих заявлений о “чистом изобретательстве” — исключить любые догадки “автобиографического”, а тем более интимного характера при чтении романов»⁷. Если следовать логике критика, то нужно автобиографический намек в романе принять всерьез.

Рискнем же предположить, что Набоков на этот раз своего гипотетического «догадливого читателя» отводит от истины. Литературный первоисточник у «Короля, дамы, валета» есть. Это роман швейцарского писателя Роберта Вальзера «Помощник».

Роберт Вальзер — швейцарский немецкоязычный писатель, но пик его известности связан с пребыванием в Германии, где берлинский период — самый плодотворный. Роман «Помощник» — один из трех романов Вальзера — написан в 1908 году, и трудно предположить, чтобы двадцать лет спустя память о Вальзере в Берлине исчезла совершенно. К тому же в 20-е годы многое из написанного Вальзером печаталось в пражских газетах, где жила тогда мать Набокова с сестрами и младшим братом Кириллом и куда сам Набоков наезжал. Устраивались

⁶ Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. С. 219.

⁷ Там же. С. 226.

в Праге его литературные вечера-читки. Набоков был знаком с пражскими литераторами, и не только русскими эмигрантами. Едва ли он мог не слышать о Вальзере, писателе, имевшем очень громкую славу, но в очень узких литературных кругах, как отмечают исследователи его творчества.

Сам Набоков никогда о Вальзере не упоминал, однако его любовь к литературным мистификациям, проявившаяся уже во время учебы в Кембридже, подобные умолчания как раз предполагает. Знание немецкого языка Сирин-Набоков решительно отрицал, и это сразу выбивало почву из-под ног у исследователей, стремившихся обнаружить в его прозе немецкие влияния. Б. Носик приводит репортерскую запись первого интервью Набокова, которое он дал в 1932 году в Париже: «Смешные! Говорят о влиянии на меня немецких писателей, которых я не знаю. Я ведь вообще плохо читаю по-немецки. Можно говорить скорее о влиянии французском: я люблю Флобера, Пруста...»⁸.

Исследователи, увидевшие немецкие влияния в этом романе, были не так уж не правы. Правда, о Вальзере никто из пишущих о Набокове не упоминает. Из немецких авторов чаще всего назывался Кафка, но это только подтверждает нашу гипотезу. Роберт Музиль, упрекая Кафку в эпигонстве, писал в одной из рецензий: «Мне все кажется, что особенности Вальзера должны остаться его особенностями; потому-то и не удовлетворяет меня первая книга Кафки, что Кафка предстает в ней вторичной разновидностью Вальзера...»⁹.

Предстает ли Набоков «вторичной разновидностью Вальзера» в романе «Король, дама, валет»? Многое говорит за то, что роман В. Набокова «Король, дама, валет» может быть прочитан как парафраз романа Вальзера «Помощник». Известную близость обнаруживают хронотопы романов. И «Помощник», и «Король, дама, валет» романами именуются с оглядкой на европейскую традицию. В русском понимании это, скорее, повести. В обоих романах представлена не история жизни (в классическом романе, по замечанию Бориса Грифцова, в финале всегда маячит «свадьба или гроб»). У Вальзера и Набокова это этап жизни одного героя, молодого человека, в масштабах биографического времени не очень значительный: полгода у Вальзера и чуть меньше года у Набокова. Этот срок молодой человек (оба героя молоды, их возраст сразу называется: Йозефу

⁸ Там же. С. 297.

⁹ Архипов Ю. Роберт Вальзер, или Жизнь поэта, писавшего прозой // Вальзер Р. Помощник. Якоб фон Гунтен. Миниатюры. М., 1987. С. 7.

Марти — 24 года, Францу — 20 лет) проводит на службе, куда в первых строках романа ему и предстоит поступить. У обоих авторов роман начинается утром: восемь часов утра — у Вальзера и «ранний час» — у Набокова. Оба автора пространственное перемещение своего героя сопрягают с новым для него временем, что особенно акцентировано у Набокова:

ВАЛЬЗЕР

«Однажды часов около восьми утра некий молодой человек поднялся по ступенькам чистенького, с виду нарядного особняка...»¹⁰

НАБОКОВ

«Огромная черная стрела часов, застывшая перед своим ежеминутным жестом, сейчас вот дрогнет, и от ее тупого толчка тронется весь мир...»¹¹

Герой Вальзера уже приехал, герой Набокова еще только отъезжает из родного города в Берлин, чтобы поступить к дяде на службу. Простодушию Йозефа и его неуклюжести соответствуют чувствительность и неловкость Франца. И в подтверждение светской неискушенности оба героя свой первый визит совершают не в срок: Йозеф — в понедельник, как ему было сказано в конторе, тогда как хозяин ждет его только в среду; Франц же сразу торопится нанести визит дяде и попадает к нему в дом в воскресенье, когда его, собственно, никто не ждет. Обратной стороной неуверенности в себе является «храбрость» и «хладнокровие» Йозефа, которым он сам дивится, переступая порог тоблеровского дома, что соответствует «дерзновенности» Франца, вернее, дерзновенности его мечтаний: «И Франц <... почти дерзко посмотрел на даму» (I, 121) («дерзновенность» и складывается из двух составляющих: храбрости и хладнокровия).

У Йозефа и Франца постоянно возникают бытовые неурядицы по причине их особых отношений с вещами. Оба романа рисуют бунт вещей, точнее, их неповиновение:

ВАЛЬЗЕР

«Волосы сегодня утром что-то уж очень плохо слушаются щетки и гребня. Зубная щетка напоминала о минувших временах. Мыло, предназначенное для

НАБОКОВ

«Был он почему-то в дневном белье, в носках, отвратительно вспотел за ночь. Чистое белье уложено, — да и не стоит, не стоит менять. На умывальнике

¹⁰ Вальзер Р. Помощник. Якоб фон Гунтен. Миниатюры. С. 27 (далее цитаты даны в тексте по этому изданию).

¹¹ Набоков В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 115 (далее цитаты даны в тексте по этому изданию).

мытья рук, выскользнуло и угодило под кровать, пришлось нагибаться и выуживать его из самого дальнего угла. Воротничок был высок и тесен, хотя накануне сидел отлично. Чудеса да и только! А скучно-то как — сил нет... Йозеф помнил, случались в его жизни периоды, когда покупка нового галстука или английского котелка могла повергнуть его в душевное волнение. Еще полгода назад он пережил такую шляпную историю... Случались в его жизни и истории с воротничками, пальто, ботинками».

валялся тонкий, уже прозрачный кусочек фиалкового мыла. Он долго ногтем соскребал с него приставший волос, волос менял свой выгиб, но не хотел сходить. Под ноготь забилося мыло. <... Щетка уложена, но есть карманный гребешок. Волосы в перхоти, лезут. Он стал застегивать пуговицы смятой рубашки. Ничего, — сойдет. Но белье липло к телу, сводило с ума вкрадчивыми прикосновениями. Стараясь ничего не ощущать, он торопливо нацепил мягкий воротничок, сразу обхвативший шею, как холодный компресс. <... Последняя катастрофа случилась, когда он надевал башмаки: порвалась тесемка. Пришлось ее перетянуть, получилось два коротеньких конца, из которых было трудно сделать узел. Странное дело: вещи не любили Франца» (I, 253).

Одинаковые детали присутствуют в описаниях обоих авторов: гребешок, галстук, воротничок; отражение шляпы, надетой на голову, в зеркале; неудачные манипуляции с мылом; жест, свидетельствующий о проигрыше в борьбе с вещами: «его шатало» (Вальзер) — «слегка пошатнувшись» (I, 254) (Набоков). Эта особенность Франца, психологически никак не мотивированная, имеет, надо полагать, чисто литературное происхождение. Совпадения имеются даже в подробностях: те же истории у Франца с воротничками, с ботинками. «Традиционный набоковский мотив» «вещи не любят героя» (каковым он представляется Вадиму Линецкому) не является на самом деле набоковским¹².

Основное место действия у обоих авторов — жилище патрона. У Вальзера «красивый особняк», «нарядный особняк» — близ-

¹² Линецкий В. «Анти-Бахтин» — лучшая книга о Владимире Набокове. С. 117.

нец набоковского «особнячка», тоже богатого, нарядного, красивого. У Вальзера место действия — деревня (Бэрэнсвиль), недалеко от столицы; у Набокова — окраина столицы, напоминающая деревню. К особняку ведет «дорожка из гравия» («гравистая дорожка» Набокова). Особняк окружает в обоих романах сад, особо отмечено наличие в нем диковинных растений: высокая белая пихточка как наиболее ценный саженец, который даже прячет помощник от займодавцев у Вальзера, и целый реестр растений из набоковского «небольшого, но очень дорогого сада»: «персиковое деревце, и плакучая ива, и серебристые елочки и какая-то патентованная яблоня, и магнолия, и банан, уже завернутый в рогожку...» (I, 131).

Синева как состояние мира Вальзера, как колорит, как техника живописания в одном цвете подарила немного «синьки» набоковскому ландшафту, где деревья отбрасывают осенью — не зимой, не весной — «резкие синие тени».

Пространство романа Набокова — это еще и курорт на море, квартирка Франца, столичные уличные впечатления, театр, кабачки, кафе. Пространство вальзеровского романа: особняк, озерные и горные ландшафты, интерьер башенки Йозефа, столичные уличные впечатления, кабачки, рестораны Бэрэнсвиля и Женева.

В романе Вальзера «Помощник» при всей барочной асимметрии и видимой прихотливости четко выделяется основная сюжетная линия — судьба изобретения Тоблера. В романе Набокова сквозная сюжетная линия с изобретением развивается параллельно основной. В обоих романах судьба изобретения прослеживается на разных стадиях его проработки: техническая идея, ее реализация, испытание, коммерческая реклама и продажа изобретения богатому покупателю. Особенно следует отметить в этой последовательности эпизодов два: визит изобретателя к коммерсанту с предложением проекта и визит богатого покупателя, заинтересовавшегося рекламным предложением.

В романе Набокова эти эпизоды расположены по краям сюжетной цепи — эпизод первый и последний. Они дублируют соответствующие эпизоды романа Вальзера, но дублируют их с обратным знаком. У Вальзера заходит к Тоблеру, хозяину особнячка, «чужак» с «гениальным изобретением», которое обитателям виллы «Под вечерней звездой» представляется «дикой затеей». Соответственно у Набокова заходит к Драйеру гений-изобретатель (а может быть, шарлатан — при первом визите это еще неясно) с идеей, которая Драйеру «ужасно нравится» (I, 171).

Визит капиталиста-покупателя у Набокова — это «вывернутый» эпизод из романа Вальзера. Йозеф принимает капиталиста Фишера в отсутствие хозяина и делает ошибку: он лжет, спеша заверить клиента, что поступило уже много заявок на изобретение. «Ироничный прощальный кивок капиталиста» вносит полную ясность в ситуацию. В романе «Король, дама, валет» все происходит иначе: подчеркнутое равнодушие и скучный голос американца для Драйера бесспорное свидетельство того, что американец купит изобретение за любые деньги.

И у Вальзера, и у Набокова основному проекту соответствуют другие, дополнительные. У Тоблера их много, и все они не способны поразить воображение ни новизной, ни технической проработанностью. Напротив, идеи, которые приходят в голову Драйера: автомат, играющий в шахматы, или летающий механический ангел — это поэзия технического дерзания. Передал ли Набоков Драйеру автобиографические черты или этот образ ориентирован на его литературного предшественника — Тоблера? Имя прототипа Тоблера — Карл Дублер, а Карл Дублер — Курт Драйер уже почти анаграмма. Это созвучие имен не единственное: помощник Марти — у Вальзера и у Набокова — Марта; соответственно Грюнен — у Вальзера и Грюн — у Набокова.

В романах Набокова и Вальзера имеет место ситуация эротического треугольника (хозяин, его супруга, молодой служащий). В «Короле, даме, валете» эта ситуация реализуется в сюжете — детективно-эротическом. В «Помощнике» набор сюжетных ситуаций, постоянно возникающих, повторяющихся, автором варьируемых, в сквозную сюжетную линию так и не складывается только потому, что у героев Вальзера зачастую поступков нет, а есть намерения их совершить, либо движения персонажей слишком незначительны, одномоментны.

Оба молодых героя будут служить патрону и войдут в жизнь дома: у Набокова по причине родства, у Вальзера — из-за того, что Йозеф будет жить в доме на правах почти члена семьи, от которого ничто не может скрыться в семейном укладе Тоблеров.

Молодой человек служит хозяину и, как следствие, его супруге. Служа патрону, он «служит» даме. Это служение-услужение у Вальзера (Йозефа без стеснения используют в работах по дому, где он подчинен госпоже) перерастает в возможность любовного служения. Помощник в романе Вальзера обретает по мере развития событий еще одну ипостась — «служителя», рыцаря дамы. Повествование балансирует постоянно на грани соскальзывания в любовную историю («Ох уж эти истории

с женщинами!» — восклицает Йозеф, узнав о любовных шашнях своего предшественника Вирзиха и об оговоре хозяйки.) Йозеф старательно уверяет себя, что он остается только «помощником» («У меня знак фирмы на лбу!»), но многое говорит за то, что эта опасная грань легко может быть перейдена. Этот мотив не получает завершения, и в финале романа помощник, прощаясь с хозяйкой, покидает дом с чистой совестью.

В «Короле, даме, валете» служение также двойное. Соответственно тому, на какой ипостаси «служителя» сделан акцент и какая из сюжетных линий оказывается осевой — коммерческая или эротическая, — романы получают и свои названия: «Помощник» — «Король, дама, валет».

Происхождение названия набоковского романа не вызывает сомнений: исследователи со ссылкой на самого Набокова говорят о сказке Андерсена «Короли, дамы и валеты». С Андерсеном роман Набокова не имеет, очевидно, ничего общего. Можно по-разному объяснить этот выбор заглавия: любовью Набокова к заглавиям-триадам; ассоциациями карточными, связанными с роком, с судьбой, с фатумом¹³, и чисто пушкинскими ассоциациями («тройка, семерка, туз»). И все же у названия набоковского романа есть еще одна глобальная задача — выявление прасюжета, мифологического, архетипического сюжета, самого древнего в европейской литературе с любовным треугольником, самого богатого литературными версиями и самого знаменитого в Средневековье — сюжета о Тристане¹⁴. Можно было бы посчитать эту догадку натяжкой и модой на мифопоэтику, если бы между Тристаном и Набоковым не стал еще один автор — Вальзер.

У Вальзера мифологический сюжетный архетип проступает, несомненно, с самого начала. Госпожа Тоблер рассказывает Йозефу при первой встрече о своем отдыхе на берегу Фирвальдштеттского озера, где она почувствовала, что она «дама, самая настоящая дама». И это ее самоощущение подтверждается даже не тем, что у нее был легкий флирт — катание на лодке с молодым американцем, но тем, что развлекала ее маленькая белая собачка, «песик», которого она брала с собой в постель

¹³ Дарк О. Загадка Сирина // Набоков В. Собр. соч. Т. 1. С. 413.

¹⁴ Присутствие «двойного дна» в романе «Король, дама, валет» отметил Эндрю Филд: «Роман, ясно, не “о” Берлине или о берлинцах. Это скелетная, вечная история» («The novel is clearly not “about” Berlin or Berniners. It is skeletal, eternal story» — Field A. N.: The Life and Art of Vladimir Nabokov. London, 1987. P. 119).

(белая собачка Изольды из поздних куртуазных версий романа, запомнившаяся по переложению Бедье). Но дамой — свободной, прекрасной, изысканной — госпожа Тоблер была недолго, очень скоро все вернулось в привычное, будничное русло. Определенность перемены подчеркнута последней краткой фразой, которая ставит точку в ее рассказе: «Позже собаку пришлось отдать».

Йозеф постоянно колеблется в своем восприятии хозяйки: дама, или не дама, или просто бюргерша, что также по-своему прелестно. Иные впечатления Йозефа эротически окрашены: он с трудом подавляет в себе желание поцеловать ее в шею, восхищен, когда видит в открытую дверь спальни госпожу Тоблер с обнаженными плечами: «Какие роскошные плечи! — подумал помощник». То же эротическое видение посещает Франца, когда в вагоне поезда он дерзко рассматривает незнакомую даму: Франц мысленно «оголил плечи даме, <... прикинул, взволнован ли он?» (I, 123).

В госпоже Тоблер есть все же нечто от дамы: вкус, ум, такт, чувство собственного достоинства; и в Йозефе проступают к концу романа черты не просто «помощника», но «служителя»: он готов броситься к ее ногам, чтобы просить прощения, целует ей руки, поднимает оброненную перчатку. А один из фрагментов романа является прямой цитатой из романа о Тристане. Автор прибегает к эффекту двойного зрения, воображая, как сцена проводов госпожи Тоблер на поезд была бы увидена героем, не чуждым «романтических фантазий» (это, вне сомнения, Йозеф). Госпожа Тоблер была бы в этой сцене «королевой, отправляющейся в изгнание» (это сравнение отзовется в «Короле, даме, валете», где видение Марты-королевы возникает у Франца в кабачке: «Ты здесь, — как королева. Инкогнито» — I, 182). Йозеф в этой сцене — «королевский вассал», господин Тоблер — «витязь», «богатырь», служанка Паулина — камеристка, «из тех, что во время оно, как пишут в старых книгах, прислуживали благородным красавицам королевам» (верная Бранжъена), и даже собака Лео обращается в дракона (бой Тристана с драконом, предшествующий добычанию Изольды). Факт цитации романа о Тристане подтверждается упоминанием о каких-то «старинных повествованиях».

Не совсем случайным кажется и параллелизм двух сцен в романах Набокова и Вальзера: молодой человек и дама в лодке, причаливающей к берегу (морское плавание Тристана с Изольдой, которую он должен по прибытии в Корнуэлл отдать в жены королю Марку). Этот эпизод есть у Вальзера (сцена ночного катания на лодке по озеру) и у Набокова (Марта

с Францем приплывают на лодке к берегу, где их ожидает Драйер, уверенный, что выиграл пари).

В отношении героини у Франца та же неясность, что и у героя Вальзера: бюргерша, дама? Сон, дрема, близорукость Франца рождают образ «туманной дамы», «мадонны» (с блоковскими ассоциациями для русского читателя). Отчетливость зрения являет иной образ: зевок тигрицы, лупоглазость жабы.

«Оптический обман» есть и в романе Вальзера, где описан стеклянный шар, при взгляде через который мир окрашивается в разные цвета, видится во множестве проекций. Вообще, мир, увиденный Набоковым и Вальзером, странен, и это обстоятельство не осталось незамеченным исследователями. «Как оно появляется, ощущение нереальности и сна», — это о романе Набокова «Король, дама, валет»¹⁵. А это уже о «Помощнике»: «В этом незаметном и постепенном погружении... в иную плоскость — какого-то призрачно-фантастического существования и состоит обаятельный художественный прием прозаика Вальзера, не раз им искусно и тонко явленный»¹⁶.

Созданию этого особого эффекта не в последнюю очередь способствуют сны героев — два сна Йозефа и два сна Франца (сон и дрема в вагоне). Из этих двух снов один для героя особенно важен, в нем то, что мучает его наяву. Франца терзают во сне кошмары, и видения его связаны с задуманным преступлением. Сон Йозефа — кошмарный и озерный, где, помимо него, есть еще действующие лица: Вирзих, госпожа Тоблер, продавщица, — вызван жгучим состраданием к несчастным. Изломы души Йозефа — горестная судьба Вирзиха и сострадание к несчастному ребенку (Сильви). Побочная линия повествования (Сильви — нелюбимый ребенок в семье Тоблеров, которого все «шпыняют», и даже госпожа Тоблер, «жестокосердечная мать») не находит прямого соответствия у Набокова, так как Марта бездетна. Но у Набокова все же есть «нелюбящая мать» и семья, где один ребенок предпочтен другому с эпизодом измывательства над ним (шоколадный заяц). Эта мать — Лина, двоюродная сестра Драйера, этот ребенок — Франц.

В романе Набокова повторяется и еще один побочный эпизод романа Вальзера, где появляется бывшая возлюбленная (наперсница), ныне мать-одиночка. Обе героини по-женски тонко видят и называют недостатки мужчин. Эрика — Драйера, Клара — Йозефа.

¹⁵ Носик Б. Мир и дар Владимира Набокова. С. 230.

¹⁶ Архипов Ю. Роберт Вальзер, или Жизнь поэта, писавшего прозой. С. 14.

ВАЛЬЗЕР

«Другие мужчины, Йозеф, умеют уйти навсегда, жизнь швыряет их в новое русло, и они никогда не возвращаются к берегам старой дружбы. Тобой — слышишь? — жизнь слегка пренебрегает, вот почему ты так легко хранишь верность собственным симпатиям».

НАБОКОВ

«Чувствительность эгоиста, — говорила когда-то Эрика: — ты можешь не заметить, что мне грустно, ты можешь обидеть, унижить, — а вот тебя трогают пустяки...» (I, 256).

Двойное сюжетоведение и обилие побочных эпизодов (нереализованных сюжетных линий) заставляет обоих авторов использовать новеллистические приемы построения, что позволяет сюжетам обрести центристремительность. Особенно это важно для романа Вальзера, где многочисленные лирические размышления должны были бы с неизбежностью привести к композиционной аморфности. Это не происходит потому, что срабатывает закон новеллистической формы и близкого к ней «маленького романа» в западноевропейской литературе: в новелле два одинаковых действия, совершаемые разными героями, не могут привести к разным результатам¹⁷. Если уходит со службы в конторе первый помощник предпринимателя, Вирзих (история его службы и жизни рассказана довольно подробно), то и второй помощник обязан закончить свою карьеру исходом из дома.

В «Короле, даме, валете» сказалось влияние детективного жанра, популярного в начале века и состоящего в генетическом родстве с новеллой. Развязка в романе неожиданная, кульминация сдвинута к концу и является элементом «преломленного пуанта» (финальный пуант, который оказывается мнимым, но тесно связанным с почти сразу же наступающей за ним и завершающей повествование развязкой).

Развязка в романе «Король, дама, валет» — смерть Марты от крупозного воспаления легких, заболевания, имевшего летальный исход до эпохи открытия антибиотиков. Но этот эпизод, опрокинутый на роман Вальзера, получает дополнительное освещение. Болезнь Марты соотносима с болезнью госпожи Тоблер в романе Вальзера.

¹⁷ См. об этом: *Смирнов И. П.* О смысле краткости // Проблемы истории и теории новеллы. СПб., 1993.

ВАЛЬЗЕР

Героиню Вальзера болезнь обновляет и очищает. Госпожа Тоблер в результате болезни, «как бы освободясь от некоего сердечного порока, стала лучше, тоньше и сильнее».

НАБОКОВ

Марта не может освободиться от «сердечного порока» и умирает.

И еще одно косвенное подтверждение знакомства Набокова с романом Вальзера: упомянутая в романе «Помощник» фирма «Бахман и К» подарила Набокову название новеллы «Бахман» с особо акцентированным «швейцарским следом» в ней — последняя встреча рассказчика с безумным Бахманом происходит (на станции) в Швейцарии. Летом 1928 года немецкий перевод новеллы «Бахман» был опубликован на видном месте в газете «Фоссише цайтунг». Из 15 новелл тогда еще только сданного в печать сборника «Возвращение Чорба» немецкие издатели безошибочно выбрали именно ее.

